НОЯБРЬ 1927 № 46 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ИХ ДЖЕНТЛЬМЕНСТВО

Рис. М. Черемных

— Летимте, мисс?
— А вы меня не сбросите с аэроплана?
— Что вы, что вы! Вы-же не бомба!

Рис. И. Малютина

СЛОВО И ДЕЛО

Тверд, упорен, не наивен,
Взвесив ясно каждый шаг,
Петр Данилович Активин
Верит в прочность новых благ.

Он идет с лицом открытым
В авангарде наших дней.
„Ясно всем, что с новым бытом
Язвы прошлого видней!!“

На собраньях „культ“ и прочих,
Старый быт он кроет в дым.
Он понятен для рабочих,
Он никак не заменим!!

То он пишет в стенгазете,
То рассеивает мрак
Здесь докладом „Быт и дети“
Там докладом „Новый брак“.

Крепнет в голосе — до дрожи!
— „Не давайте вола злу!
Подходите к молодежи,
Как к тончайшему стеклу!

Поддержите твердым словом,
Дайте дружеский совет
И старайтесь бытом новым
Пыль былого сдуть на-нет!“

Молодежь стихийно рада.
Вот, кто ей открытый друг!
Смысл прекрасного доклада
Встречен буйным всплеском рук.

Взяв портфель, тряхнувши гривой
И кивнувши головой,
Петр Данилович Активин,
Не спеша, идет домой...

. . . .

Дома — фикус, кот, открытка,
Граммофон, буфет, комод
И обед — рассольник жидкий,
Макароны и компот.

Петр Данилыч снимет шубу,
Мрачно сядет за обед
И рыгнет жене сквозь зубы:
— Так-с... Опять Танюшки нет?!

Пискнет мать в тоске убого:
— Ты же знаешь... клуб опять...
Не волнуйся, ради бога...
Им велели посещать!!

— Вы свою защиту бросьте!..
Слышал я... благодарю...
Нынче клуб, а завтра гости...
Нет-с!.. Довольно-с!.. Запорю!!.

Дочь войдет. Поправит косу.
Побледнеет. Вспыхнет вновь.
Мать посмотрит в угол косо.
Петр Данилыч сморщит бровь

Молча встанет с грозной мордой,
Непреклонный, как кремень,
И начнет рукою твердой
С живота снимать ремень.

Подойдет, поднимет платье,
Дочь разложит на полу
И начнет хлестать с проклятьем
По... „тончайшему стеклу“.

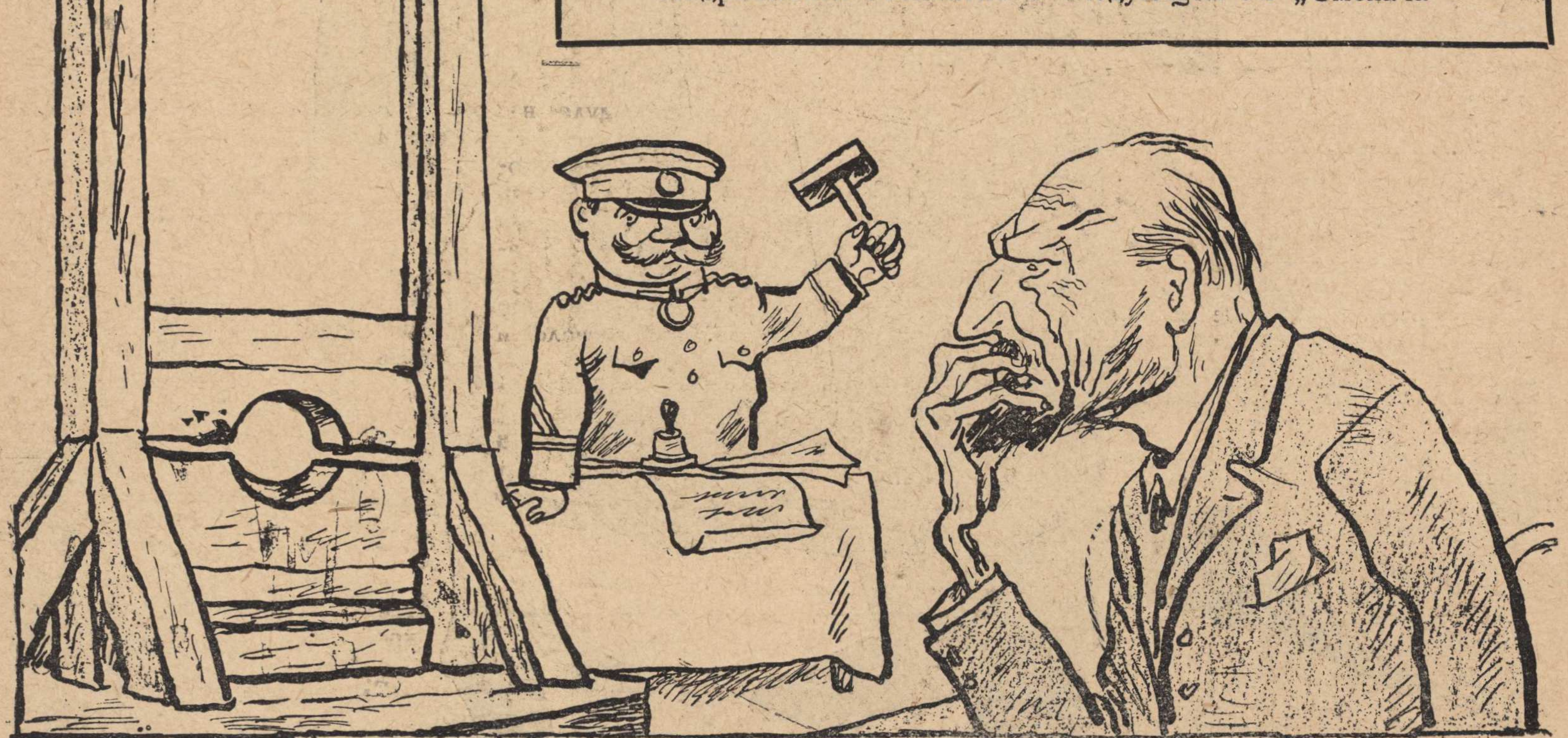
Отдерет. Вздохнет довольно
И, со лба стирая пот,
Дожирать пойдет рассольник,
Макароны и компот.

. . . .

Вечерком, напившись чаю
И зевком скрывая дрожь,
Петр Данилович читает
Новый труд про молодежь,

И жене, лежащей рядом
В томной неге, говорит:
— Завтра выступлю с докладом
„Молодежь и новый быт“.

Юрий Фидлер

АУКЦИОНИСТ: — Кто больше?

ЦАНКОВ: — Виноват, а она „на ходу“?

В парижском аукционном зале древностей Друо продается с аукциона гильотина, действовавшая на площади Дижона в дни великой французской революции.

...В Софии ходят слухи о возможности отставки Ляпчева, которого в этом случае заменит Цанков.

Из газет.

Рис. Б. Антоновского

„**Ухажеры**“.

СЛУЧАИ НА ВОЗДУХЕ

Двадцатого сентября этого года, около двенадцати дня, в Тифлисе и в Гяндже одновременно были приняты две срочные депеши со станции Караяз. Выстукивая нервную дробь, давая обычный сигнал о несчастьи, начальник Караяз сообщил, прося о помощи, что у станции грабят маршрутный поезд на путях.

В Тифлисе и Гяндже поднялся переполох. Из Тифлиса на дрезине, из Гянджи на паровозе к месту происшествия отбыли немедленно вооруженные отряды сотрудников ГПУ, розыска и охраны. Движение поездов на участке было прекращено. Бешено заработал телеграф. На линии воцарилась суматоха.

Дрезина и паровоз прибыли в Караяз одновременно. Вооруженные люди соскакивали на ходу, щелкая затворами; они были сосредоточены, хмуры и подтянуты, как опытные солдаты в бою.

— Где грабят?

Начальник был бледен, у него дрожали губы и нерв на щеке. Он молча указал на человека с перевязанной головой на кушетке в углу: на перевязке пятнами проступала кровь, он стонал. Его обступили, засыпая вопросами:

— Пристали! Дайте отдышаться - то хоть! — сказал раненый, рабочий с линии. — Так напужался, аж в пятках свербит...

— Дышать дома будешь, успеешь, — сказал агент, отстегивая торопливо кобур на ремешке. — Ты скажи хоть, на которой версте? За переездом, что ли? Много их там?

— Ох, не знаю, напужался...

— Тьфу, какой человек скучный! — сказал агент и побежал к отряду на линию.

За переездом бандитов не было, не было и маршрута; в будке сказали, что маршрут прошел спокойно, показав зеленый флаг на площадке в хвосте. Отряд кинулся в другую сторону, к мосту, но грабителей не обнаружил и здесь: по реке мирно плавала серая уточка, и часовой, присев у фермы, крутил покойно огромную козью ножку из оберточного листа. Маршрут и тут прошел с зеленым сигналом в хвосте.

Отряд вернулся в Караяз. Раненый человек попрежнему лежал на диване, и он снова повторил, что у него свербит в пятках от испуга и ничего определенного он показать поэтому не может. Он чихал, и каждый раз, чихнув, сам желал себе здоровья.

— Да ты брось Ваньку-то валять! — сурово сказал агент, доставая бланк опроса: — всю линию поднял! Ты толком говори, это тебе не в бабки играть. Ну?!

. . . .

Возвращаясь домой с участка, где-то на полустанке он вскочил на проходивший маршрут. Платформа была загружена веялками и обтянута брезентом; он залез, укрываясь от ветра, под брезент и лег в углу, в тепле, где пахло свежей краской от машин. Прошло минут сорок, может быть час — и он услышал вдруг приглушенные голоса и шаги нескольких ног на платформе.

— Тащи, сбрасывай по одной, — сказал кто-то и потянул брезент с угла: — Эге, да тут линейный!..

Страшная, усатая рожа склонилась над ним, и он увидел черное дуло нагана перед глазами.

— Бей, бей! — крикнули сбоку и потащили опять за брезент и засуетились на платформе.

Тогда он вскочил, закричав, и схватившись рукой за дуло револьвера. Было совершенно темно под брезентом, брезент колыхался, что-то трещало и перекатывалось на платформе.

— Спасите! Убивают! — закричал он, чувствуя, как немеют от ужаса ноги и язык, и, с трудом сбросив тяжелый брезент, побежал вдоль платформы и на ходу спрыгнул с поезда. Он упал и покатился по шпалам; выстрел прогрохотал, казалось, над самым его ухом, перед глазами поплыл огненный круг, и он потерял сознание от острой, пронизывающей боли в голове...

. . . .

— Вот дьявольщина! — сказал агент в раздумьи, ожесточенно кусая кончик карандаша: — маршрут то ведь осмотрен, все цело, одна ручка от веялки сорвана. Не за ручкой же они приходили. И шибко стреляли, говоришь?

Линейный застонал и отвернулся к стене; сейчас же он чихнул снова, и широкая, детская, добрая улыбка засияла вдруг на его скуластом лице.

— Что ж, признаваться надо, Иван Филиппов, — сказал он сам себе и сделал такой жест в воздухе, как будто чешет затылок рукой: — никак не стреляли, браток, это я башкой о костыль как треснулся, так мне и покажись, что из пушки с огнем палят... Выходит дело, приснилась мне вся эта катафалка, то-есть бандисты. Вот незадача, мать честная, несурьезно как вышло... Лег я под брезент, согрелся, выходит дело, задремал: тут мне рожа-то и покажись, и наган. А брезент я сам, как лег, с угла отвязал, вот его ветром и треплет, а я думаю — тянут. Ах, ты!.. Выходит дело, это я за ручку-то и схватился спросонок, а не за дуло... Мать честная!.. Ну, перепужался, конечно, дело одинокое, одни версты в поле, — как говорится, ноги за спину, давай бог удачи. Не помню, как и до станции дополз...

— Так зачем же ты дежурному - то наплел? — сказал агент, и даже уши у него покраснели от возмущения: — ты что же, сейчас только проспался, что ли?

— Да видишь, как чихать начал, тут оно и определилось. У меня нос больной, я после сна как чижик чихаю. Как посплю, так и чихаю и чихаю, даже невдобно. С перепугу-то я и чихать забыл, а тут, отошедши... апчхи! Будь здоров, Иван Филиппов. Вот и вижу теперь, что спал я, выходит дело.

— Тьфу! — сказал агент и снова стал грызть карандаш: — что же с тобой делать теперь, с такой тетерей?..

* * *

Телефон звонил без-умолку, и неустанно стучал Морзе на столе. Из Тифлиса запрашивали из нескольких мест сразу, не нужно ли вооруженного подкрепления, нет ли жертв, целы ли пути на перегоне..

— Главное дело, — сказал раненый, и широкая, добрая улыбка опять осветила его лицо, — главное дело напужался я очень, аж пупок захолодал...

А. Зорич

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Ряд женщин получил от ВСНХ назначения в председатели трестов.

Рис. Б. Антоновского

ПРОСИТЕЛЬ (курьерше): — А ты меня обнадежила, что председатель у себя. Два часа жду, а кроме секретарши никого!

РАДИООПОЗДАНИЕ

Сонная публика в зале ожидания и буфете насторожилась.

Над дверью с надписью „Вход посторонним строго воспрещается“ что-то захрипело, засвистело, захрюкало, и замогильный голос произнес:

— Алло! Алло! Сейчас будет передача! Сейчас будет передача! На волне 1010 метров со станции имени Цужела. Слушайте все! Слушайте все!

Концерт начался.

Разинув рты и не доев колбасы, слушали пассажиры „трубный глас антихристов“.

— Тятька, а тятька, а через кого ен говорит?

— Молчи,— не видишь — труба?

— А кто в ее дудит?

— В трахтере видел граммофон? Ну, так это на манер его же, только что пластинка незримая. Да нишкни ты! Слышь, балалайка взыграла!

Сыграла балалайка, что-то непонятное прохрипел рассказчик, продребезжало на высоких нотах сопрано и, наконец, загудел бас.

— Тять, как есть наш дьякон!

— Молчи ты, шпингалет! Слушать мешаешь!

Вдруг, словно в аккомпанимент певцу, протяжно завыл паровоз.

В окнах замелькали уходящие вагоны.

Публика шарахнулась к выходу.

Давка, крик, шум, звон разбитого стекла, треск корзин и сундуков.

Когда пассажиры выбрались на перрон красный огонек последнего вагона был уже за семафором.

Злые, помятые в дверях, приползли опоздавшие в зал ожиданий.

А громкоговоритель пел:

„Прощай, мой сын, в страну чужую ты уезжаешь...“

Рыжий мужик, к которому приставал сынишка, внезапно обозлился.

— Да, на ка, выкуси рожон, уедешь тут с тобой! Как-же! Сиди вот еще сутки!

Громкоговоритель продолжал надсаживаться.

— Да замолчишь ли ты, окаянная сила!— рассвирепел мужик и что было сил запустил чайником в „чортову глотку“.

А. Стоврацкий

НАДЕЖНЫЙ БУХГАЛТЕР

(Басня)

„Бухгалтер есть у нас, ну, прямо — идеал!..“ —
Приятель мне сказал,
— „Такого не найдешь на трудовом ты рынке..
Работает на-совесть, без волынки
Не набузит, ни разу не соврет
В его делах не жди подчистки,
Фальшивой „старнировки“ иль приписки!..
С кассиром в стачку не войдет
И не устроит в книгах хитрой штуки,
Чтоб было легче в кассу сунуть руки!..“
Едва переводя от удивленья дух,
Воскликнул я: — „О, да, вот это — „бух“!..
Напрасно многие на жизнь глядят тревожно.
Я вижу, что гордиться человеком можно,
Что честность—не мираж.. Веди меня к нему
Ему с восторгом руку я пожму!..“
— „Нельзя“...— сказал мне друг. — „Нельзя?
Что за причина?!..“
— „Да он — не человек“... — „А кто-ж?..“
— „Машина!..“

Что это басня в цель попала метко,
Доказывает нам газетная заметка:

> ЛЕНИНГРАД. На пароходе из Нью-Иорка прибыли первые образцы машино-автоматов, с помощью которых представляется возможность ряда бухгалтерских операций— вести записи в книгах, производить различные расчеты, выписывать счета, начислять проценты и т. п.

Аргус

СЕКРЕТ СЛАВЫ

Круциферов задумал стать писателем с именем.

Со свойственной ему энергией, Круциферов взялся за тяжелое писательское ремесло.

Прежде всего он отправился на толкучку и приобрел несколько свеже украденных самопишущих ручек.

Ручки Круциферов роздал знакомым секретарям небольших, но ходовых издательств, и рассказал о намерении своем стать знаменитым писателем.

Секретари, придя в восторг не то от намерения Круциферова, не то от его ручек, немедленно сообщили Круциферову, как это делается.

Круциферов поблагодарил и... понес роскошный фарфоровый сервиз молодой восходящей кино-звезде Оранжевой.

Вечером Оранжевая вкрадчиво шептала важной особе, имеющей прикосновение к искусству:

— Душечка, ты должен обязательно помочь этому Круциферову.

Душечка присел к телефону и позвонил прикосновенным к издательствам.

— К вам,— басил ответственный „душечка",— зайдет, того, молодой, но талантливый, как его... Муциферов, кажется, так вы, того, окажите содействие. Необыкновенно талантливый молодой человек...

Вскоре директор небольшого, но ходкого издательства пожимал руку Круциферову и, кисло улыбаясь, говорил:

— Гм... конечно... вы не Анатоль Франс какой-нибудь или там Максим Горький, но, в общем и целом, что-то есть...

— Кстати—добавил директор—рекомендую обратиться относительно предисловия к нашему штатному предисловисту, профессору Полосатову.

Полосатов, восторженный от природы и по долгу службы, тут же, не сходя с места, накатал восторженное вступление, в котором доказал, что с гением Круциферовым можно на одну доску поставить разве только старика Гомера.

От профессора Круциферов прямиком направился к знакомому рецензенту Истукаренко.

На другой день в газете появилась лит-рецензия:

— Куда идет литература? — спрашивал Истукаренко.— Новый роман Круциферова—сплошная клубничка, откровенная порнография раздевания и одевания, голобабие, эротика под маркой буржуазного разложения. Молодежи и, вообще, читателю читать не рекомендуем.

Через месяц новое издание книги разошлось полностью.

Автор с каждым днем все больше чувствовал себя корифеем и классиком...

* * *

И только читатель, прочитав с разбега роман, свирепо отплевывался и зверски ругал автора, издателя и критика.

Но кому же, в самом деле, интересно мнение читателя?

Бен-Гали

НАСИЛУ В'ЕХАЛ

Рис. Н. Радлова

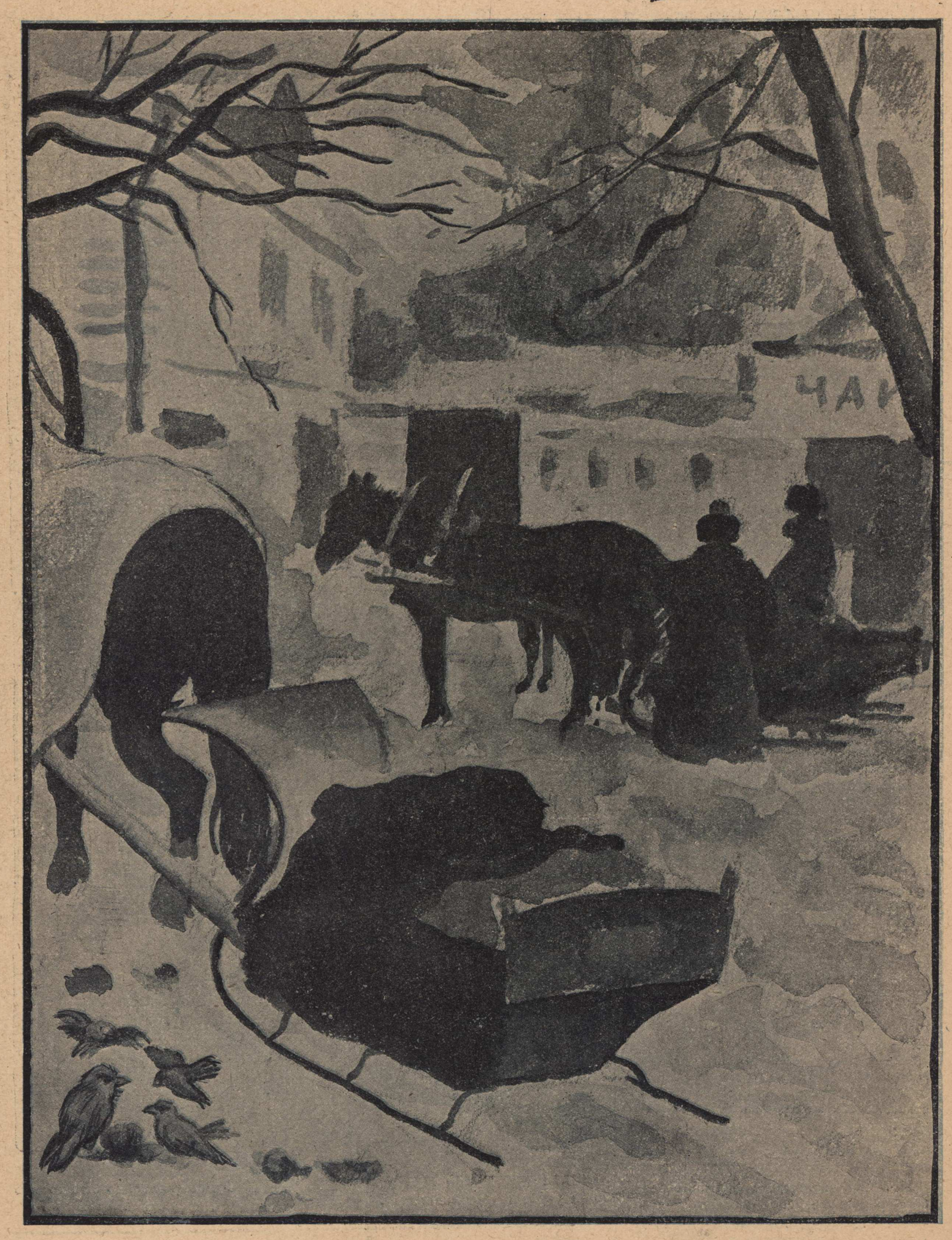
В московском Художественном театре поставлена впервые революционная пьеса Всеволода Иванова „Бронепоезд".

СТАНИСЛАВСКИЙ: — Наконец-то семафор МХАТ'а открылся, да и то только перед угрозой „Бронепоезда".

Рис. И. Малютина

ВОРОБЬИНАЯ ПОРЦИЯ

СТАРЫЙ ВОРОБЕЙ:— Вот вы все недовольны своими порциями. А как же люди в Нарпите обедают?

ТЯЖЕЛОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ

Обследователь быта домработниц тов. Евсеев постучал в дверь квартиры № 16. Женщина лет сорока в подоткнутой до колен юбке (дань не моде, а работе, ибо женщина мыла пол) открыла Евсееву дверь.

— Я—обследователь быта домработниц! — сказал Евсеев. — Тяжелая у вас работа?

— Да, нелегкая,—ответила женщина.— Семь человек семья, а к этой работе я одна приставлена.

— Сколько часов в сутки работаете?

— Мы часов не считаем. Нам дело прежде всего делать приходится. Хозяин строгий. Осерчает!

— Да как он смеет? — возмутился обследователь.— А трудсессию он себе представляет?

— А кто его знает? Только, ежели он выпивши, так ему море по колена. Он и за волосы тогда отдерет.

— Тэк-с! — сказал обследователь. — Запишем на предмет наказания.

* * *

— Чего писать-то будешь?— испугалась вдруг женщина.— Это я так только к слову сказала. Потом прогонит он еще меня. Куды я тогда с ребятам денусь? На алименты не проживешь.

— Как на алименты? Неужели этот негодяй принуждает вас еще и к сожительству?

— Принуждать не принуждает, а только, известно, их мужское дело какое! Не смею отказываться...

— Да ведь это рабство! Насилие! Здесь не трудсессией, здесь исправдомом пахнет. Стыдитесь! Сознательная домработница, и вдруг такое полное падение. Позор!

Женщина страшно смутилась.

— А чего я поделать-то могу? Наше дело бабское, тоже известно какое! Он вообще первый человек в доме, а я что? Кухарка, нянька да прачка. Вот и моги тут перечь ему наперекор.

* * *

Эти слова окончательно взбесили тов. Евсеева, но потом, слегка успокоившись, он сказал:

— Эх, темнота ты, темнота беспросветная! А хозяйка-то что говорит? Разве она не видит барских шашней своего муженька? Она-то молчит, что ли?

— Кака-така хозяйка? — удивилась женщина. — Здеся на кухне — я полная хозяйка.

— Ну, не хозяйка, а по-твоему, по-бестолковому, барыня. Она-то как на все это смотрит?

— Никаких тут барынь нету. Я в квартире тут и барыня, и хозяйка, и прислуга, и вообще понятия не имею, чего тебе от нас надо? Я в твою семейную жизнь не касаюсь, и не лезь в мою. Ежели муж и побьет меня когда, то только с пьяна.

— Фу ты, чорт. А я думал, что вы прислуга, которую эксплоатируют! — растерянно сказал Евсеев.

— А ну тя к лешему!—бросила женщина. — Заговоришься с тобой, день пропадет.

И, не обращая внимания на обследователя, она снова стала мыть пол.

М. Коварский

НИ ДНА, НИ ПОКРЫШКИ

Рис. Б. Малаховского

Иван Ивановичу надоела семейная обстановка. Ни газету прочесть, ни шахматную задачу решить, ни радио послушать.
— Сбегаю я в клуб, развлекусь.

На другой день, прямо со службы, Иван Иванович пошел в клуб. Но там был семейный вечер со всеми вытекающими последствиями.

МЕДВЕДЬ

Перебирая в памяти свою пеструю жизнь за последние годы, я вспоминаю любопытное приключение с медведем.

Я не охотник, и потому позволяю себе надеяться, что читатель не отнесет мой рассказ к серии так называемых охотничьих. Да к тому же и медведь, о котором пойдет речь, не мог явиться об'ектом охотничьих вожделений.

Он никогда не жил в лесных трущобах, он был маленький, не больше полуфута. И еще важная деталь: он был плюшевый, набитый тряпками, и с двумя пуговицами, заменявшими глаза.

Наконец,— и это главным образом лишало его права считаться некультурным лесным зверем,— на его шее красовался изящный нагрудник с вышитой надписью: „Колька".

Он был тщательно завернут в газетную бумагу, перевязан и вручен мне женой, с наказом передать его по приезде в город нашей милой маленькой единственной племяннице.

В большом столичном городе, куда я приехал по делам, я не мог заранее наметить час для выполнения этого поручения. Но я не забывал о медведе. Я нацепил его на пуговицу и носился по всему городу, в то время как терпеливый Колька мотался из стороны в сторону на моей груди.

За три дня веревка перетерлась, и тогда я стал носить славного медведя подмышкой, проклиная его на чем свет стоит.

Но я усовещевал себя:

— Не будь эгоистом! Мало ли, что тебе осточертел этот медведь?! Подумай о той радости, которую ты доставишь ребенку.

И я предвкушал счастливый час, когда я наконец развяжусь с этой плюшевой скотиной.

На четвертый день пребывания в городе я окончательно и вполне удачно завершил все свои дела, в чем мне немало помогла встреча с Рымзиным, другом моего детства, оказавшимся, на мое счастье, секретарем нужного мне учреждения.

Словом, на четвертый день я вздохнул свободно и радостно сказал себе:

— Теперь займемся медведем.

Медведем!

Ни подмышкой, ни на одной из пуговиц пальто я не нашел никаких медвежьих следов.

Медведь исчез.

Вообразите мою злость: три дня таскать его всюду с собой, как угрызение совести; три дня расточать по адресу неповинного животного самые горячие проклятия — и потерять в ту самую минуту, когда...

Однако же, где и когда я его потерял?

Я напрягал память и не мог вспомнить. Не остался ли он в номере гостиницы?

Я решил пойти в гостиницу, но по пути зашел в игрушечный магазин, чтобы, на всякий случай, купить нового медведя.

Заместитель пропавшего был не хуже, а лиловый цвет плюша делал его даже очень оригинальным и, так сказать, невиданным, небывалым медведем.

Я повесил его, завернутого в бумагу, на пуговицу и пошел в отель.

Первое, что бросилось мне в глаза,— был пропавший Колька, освобожденный от бумаги и лежавший вверх лапами на столе.

Рядом я нашел записку моего друга, Рымзина:

„Заходил. Немедленно позвони".

Я позвонил по телефону и был изумлен странным вопросом приятеля:

ВСЕОБЩИЙ ЛЮБИМЕЦ

Рис. А. Радакова

Даже в Москве Чемберлена на руках носят.

— Ты с ума сошел, Сергей?

— Н-нет.

— У тебя жар.

— Да откуда ты взял?!

— Во всяком случае, я вынужден был доложить своему начальству, что у тебя и то, и другое. И что, кроме того, тебя сильно ударил оглоблей ломовик...

— Зачем, однако, это понадобилось?

— Затем,— орал в трубку злой голос,— чтобы чем нибудь об'яснить твою наглую выходку! Человек, если он в трезвом уме,— не оставляет медведей на столе ответственного руководителя!..

— Вот, значит, где я его забыл!—воскликнул я.

— Забыл?! — гневно прокричал Рымзин.— Человек, если он не идиот, не забывает медведей по имени „Колька" на столе начальника, который зовется Николаем Медведевым. Понял, осел этакий?! Разве ты не знал, что в нашем учреждении даже слово „медведь" неуместно, а не то что плюшевый экземпляр по имени „Колька"! Имей в виду, что этим медведем ты подложил свинью не только себе, но и мне, хлопотавшему по твоему делу! Это чорт знает что!.. Будь завтра ровно к десяти. Всего!

Я долго стоял возле телефона, окончательно подавленный. Проклятый медведь!

Нужно же случиться такой истории?!

Потом—думая о медведе—машинально сунул телефонную трубку подмышку.

Единственным светлым пятном являлась мысль о племяннице.

— Чорт с ним, с твоим делом! Пусть не выгорит из-за несчастного стечения обстоятельств! Зато подумай, какую радость доставишь ты девчурке, подарив ей целых два медведя... На несчастьи одних строится счастье других...

Примиренным, я повесил обоих медведей на пуговицы и отправился.

Миловидная девушка лет семнадцати открыла мне дверь и вопросительно уставилась в мое лицо.

Я назвал себя.

Она улыбнулась, взмахнула руками и бросилась с криком:

— Мамочка! Дядя приехал!!

Вот чорт! Поймите мой конфуз: это была та самая девчурка, которой я притащил двух медведей.

За двенадцать лет она, оказывается, здорово выросла, о чем мы с женой как-то совсем забыли.

Разумеется, я воздержался от попытки доставить ей радость своими медведями. Я привез их обоих обратно домой, и ни один подлец не сорвался с пуговицы.

А с Николаем Медведевым так ничего и не сладилось: крепко обиделся.

Ив. Прутков

КАК ЭТО БЫЛО БЫ СЕЙЧАС?

(Материалы о дуэли Пушкина)

Поэт-попутчик Александр Пушкин поднял драповый воротник демисезонного пальто и, выйдя на мороз, кликнул извозца.

— На Комендантское.

— И обратно поедете?—спросил извозчик.

— Обратно не поеду я. Меня быть может повезут! — ответил поэт излюбленным четырехстопным ямбом.

— Тогда другого ищи!—отрубил возница.— Нам обратно не расчет порожняком иттить.

Другой извозчик спросил пятерку. Попробовавший было поторговаться поэт услышал:

— Дешевле нельзя. Без лишку. Овес два рубля.

Пушкин стал шарить по карманам. В кармане лежала трешка и глава из Онегина.

Поэт махнул рукой и поплелся к трамвайной остановке. В ожидании трамвая Пушкин разговорился с неизвестным гражданином.

— Куда едешь, товарищ? — спросил неизвестный.

— Так, пустяки, стреляться.

— Казенные или членвзносы? — сказал неизвестный. А потом добавил: — Глупо, брат, стреляться. Пять лет присудят, год отсидишь, а там выпустят, и снова заживешь.

— Что такое?—не понял поэт.

— Я говорю про твою растрату. Какие, говорю, суммы ты растратил?

— С ума вы сошли? Какие там растраты. Я поэт! — сказал Пушкин и вскочил на ходу в трамвай.

— Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан, — услыхал вдруг Пушкин голос милицейского.— Платите, гражданин, штраф за прыжок на ходу.

Пушкин, неохотно заплатив, стал ждать следующего трамвая.

А неизвестный все пристает:

— Ежели не растрата, так чего стреляться-то?

— Как чего? Дуэль Человек один за женой моей ухаживает.

— А ты в Загс сходи, разведись. Нынче это просто. Без бабы, один сходи. Нынче и порознь разводить можно.

Подошел трамвай. В трамвае беседа продолжалась.

— А тот-то мужик, который ухлыстывает за ей,—нэпман, что ли?

— Нет. Военнослужащий он. Комсостав.

— Фу ты. Ну и дура баба твоя. Комсостав-то ерунду ведь получает. Неужто пошикарнее хахаля она найти не могла? Зава, нэпмана, торговца?

— Не в этом дело. Тут вопрос чести.

— Честь? Мать моя. Что за честь, коли нече о есть. Ты бы лучше пальтишко мехом каким подшил бы, чем такой ерундой заниматься. На дворе, чай, не лето. А мех-то у тебя рыбий.

И, сказав это, неизвестный вышел.

Пушкин же, оставшись один, всецело предался размышлению о дуэли. Через час поэт прибыл на Комендантское. К удивлению Пушкина Дантеса не было.

— Где-ж противник? — спросил поэт секунданта.

— Заняты-с они. В военкомат на переучет поехали. Потом у них сегодня полит-час и сан-час.

— Что ж он не предупредил?—недовольно сказал Пушкин.

Секундант возмутился:

— Они, знаете ли, не воробьев гоняют, а делом заняты-с. Хорошо это вам, конечно. Написали стишки в вечерку и отдыхаете целый день; хотите — стреляетесь, хотите — в кино ходите. А Дантес, как-никак, комсостав. Работы у них по горло-с.

Раздосадованный и смерзший Пушкин стал от нечего делать рассматривать взятый с собой на случай дуэли наган. Но не долго рассматривал его поэт. Неожиданно явился квартальный и, увидав в руке Пушкина оружие, грозно спросил:

— Разрешение на оружие имеете?

— Д-да... т.-е, нет! — смутился поэт.

— Шагай за мной!—прогремел квартальный.—А вы, граждане, свидетелями будете!— обратился квартальный к секундантам.

— Никуда я не пойду,— гордо ответил Пушкин.—Я приехал сюда на дуэль. А эти люди секунданты.

— Не спорьте, гражданин,— внушительно сказал квартальный.

— Повторяю вам, что я не пойду никуда. Я сюда приехал драться с Дантесом.

— Ах, ты драться захотел,—засмеялся квартальный.— А ну-ка, спробуй.

Раздался свисток, и через минуту двое постовых вели поэта в милицию. Шествие замыкал квартальный.

А на завтра в вечерней газете в рубрике: „Оштрафованы за хулиганство и дебош“ было напечатано следующее:

„Иванов С.—за озорство на 5 р; Сергеев З.—за постыдные действия на 5 р.; Пушкин А.—за нарушение общественной тишины и сопротивление милиции—на 25 руб.“

* * *

Вот-с. Видите ли, граждане, как времячко-то изменилось? Это раньше только могла случиться такая вещь, что цветущего талантливого поэта вдруг на тридцать восьмом году ни за что ни про что ухлопывают. А нынче много гуманнее все стало. Заместо смерти все это дело стоило бы поэту три червяка максимум.

П. Щеголевич

БУМАГА ИЗ МОРЯ

Один датский профессор изобрел способ производства бумаги из морских водорослей.

Бюрократ: — Бумага из моря! Подумаешь, изобретение! Вот мы уже давно делаем море из бумаги и не хвастаем.

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ СКОРОСТЬ

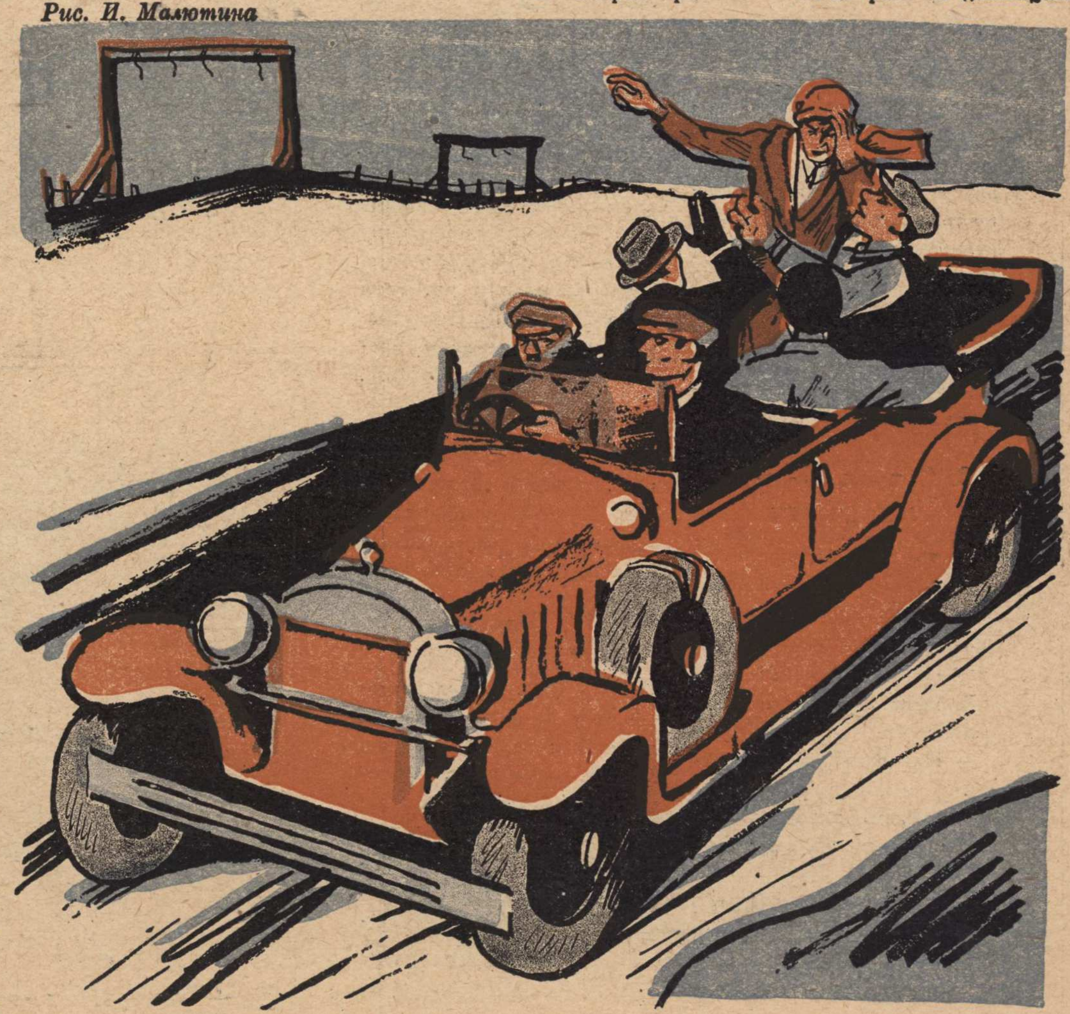
— Они требуют план на трехлетие.

— Дайте трехлетие на план и будет план на трехлетие.

ПАМЯТЬ О РОДИНЕ

Из Болгарии приехала в СССР рабочая делегация.

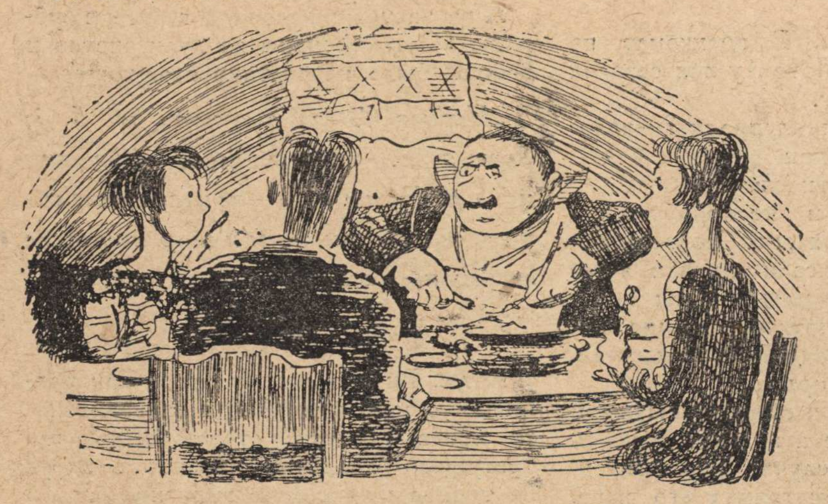
Рис. И. Малютина

— Успокойтесь... Это только футбольные ворота!

ТОЧНАЯ СПРАВКА

Рис. Н. Радлова

— Папа, что такое семья трудящихся?

— Вот я всех вас устроил у себя в учреждении,—стало быть, мы и есть семья трудящихся.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ КУХНЯ

1. Бычки в маринаде одним манером

Взять крепкого деревенского жизнерадостного парня, горящего желанием общественной работы, и выдвинуть его на работу в городе. Взять хорошего сухого выдержанного бюрократа, посадить его в учреждение и в это же учреждение прислать па ня. Через месяц замаринованный выдвиженец готов к употре лению.

2. Бычки в маринаде другим манером

Выбрать хорошего работника и посадить на живую работу. Прибавить ему по вкусу канцелярию, отчетность, хорошо налаженную регистратуру и густо посыпать перепиской, тщательно перемешивая входящие с исходящими. Через месяц — послать в командировку. Подождать пока остынет и подавать на стол РКИ.

3. Сухари по-учрежденчески

Сесть за стол, поставить справа телефон, а слева—пачку негодной бумаги, сделать деловое лицо и вещать:

— Приходите завтра.

Изредка перемешивать вещание:

— Приходите через неделю.

Подождать пока лопнет терпение, позвонить курьеру и приказать:

— Выведите этого нахала. Он совсем не умеет держать себя в учреждении!

4. Битки в сметане

Стать в мануфактурную очередь, дождаться своего времени, побыть в магазине минуту, выйти и, остановившись на пороге, крикнуть:

— Пускают без очереди! Входите.

После этого прижаться к стене и наблюдать.

5. Ленивые вареники

Не устраивать месяца два общего собрания, потом раскачаться и назначить собрание. Повестку дня составить поскучнее. Не открывать собрания часа три, потом взять запыхавшегося докладчика и дать ему слово. Изредка позванивать в колокольчик и подогревать собрание обещанием показать после доклада кино. Позволить докладчику высказаться до конца и отменить за поздним временем кино. На следующем собрании не ожидать никого, кроме самых любопытных членов.

6. Телячьи мозги

Построить для деревенского кооператива двухэтажный дом, набить его до отказа товаром и торговать только на полпроцента дороже частника.

7. Солянка по московски

Взять 60 к. (а железнодорожнику 50 к.), переслать их лично или через делегата в Москву, на Солянку, 12. потому что именно там, а не в каком-нибудь другом месте, находится контора „Смехача". Еженедельно получать „Смехач", читать и другим давать.

Евграф Дольский

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

„Приволжская Правда" (№ 253) поручила своему поэту описать октябрьский праздник.

Вот как поэт справился со своей задачей:

С трибуны слова, облеченные в пламень,
Роняет один за другим.
И слушают люди, и слушает камень,
Сплетаясь порывом одним.

Камень послушает - послушает и скажет об авторе стихотворения:
— Брат мой! Усталый, страдающий брат!

*

Журнал „Экран" (№ 46) сделал сенсационное открытие:

Оказывается, поэт Маяковский пишет не хуже, чем... клоуны Виталий Лазаренко и Эд и Вар:

Над репертуаром „Синей Блузы" работают лучшие литераторы и поэты (Арго, Ардов, Типот, Маяковский, Масс и др.), и их продукция смело может выдержать соревнование даже с такими блестящими образцами репертуара, какие мы можем услышать у Лазаренко, Эд и Вар, Смирнова-Сокольского...

Это — отрывок из статьи „Синяя Блуза", имеющей подзаголовок: „Очерк и фото Р. Блюменау".

Об этом Р. Блюменау хочет сказать:

Ты можешь критиком не быть,
Но быть фотографом — обязан...

*

Из послания А. Безыменского Ивану Молчанову („Комсомольская Правда", № 225)

Иди себе! Не трать минуты—
Они поэту так нужны...
Но, впрочем... на башку св ю ты...
Одень-ка... чьи-нибудь... штаны.

И так, по утверждению Москвошвея, в штанах ощущается большой недостаток.

Если же, тем не менее, поэты будут надевать штаны также и на головы, то это обстоятельство может только осложнить и без того острый брючный кризис...

*

В журнале „Печать и революция" приведены отрывки из комедии Чижевского рядом с отрывками из комедии Островского.

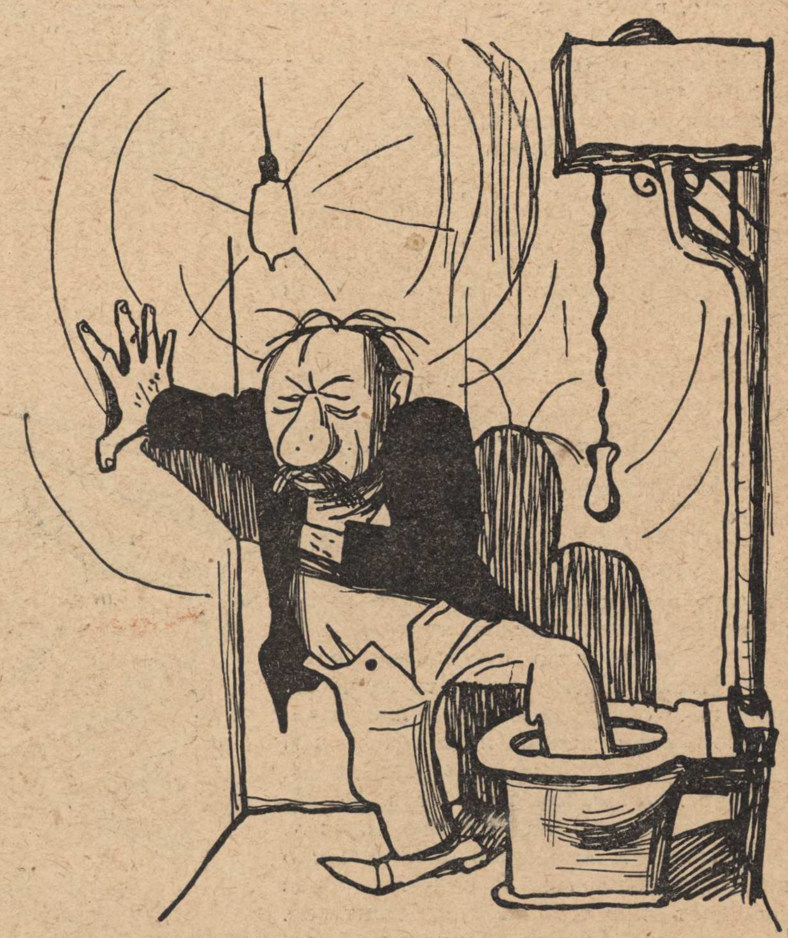
„Совпадения" поразительные!

Критик журнала „Печать и Революция" обвиняет драматурга Чижевского в плагиате, но в свое оправдание Чижевский мог бы сказать:

— В чем дело? Вы же сами все время кричите: „Назад к Островскому!" Я и провел в жизнь этот прекрасный лозунг!..

ДО БЕЛЫХ СЛОНОВ

Рис. Б. Малаховского

—Чч-чорт! Что-то я себя сегодня не в своей тарелке чувствую...

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

Страха ради милицейского

Группа прихожан Успенского собора (Владивосток) обратилась к начальнику городской милиции со следующим заявлением:

„В виду того, что между верующими происходят серьезные осложнения и инциденты, мы просим дать охрану милиции во время богослужения на вечерне 15 октября с 5 часов вечера и на утрене 16-го с 9 часов вечера, до расхождения народа для безопасности граждан“.

Во избежание ребер прободения в руце твои, милицие, передаем дух свой!

Надо думать, что милиция не пошла навстречу верующим, ибо дух скверный сей не выносит она чего-то.

В бумажном смерче

Точно снег, кружатся и вьются над городом и деревней бумажки, бумажки, бумажки...

Вот еще одна из этих грустных, безграмотных снежинок, попавшая на редакционный стол:

Мы, нижеподписавшиеся граждане деревни Алексеевской, Бугоринского Района, Новосибирского Округа, Строчилин Александр с другой стороны его жена Ирина Еремеевна заключили между собой настоящее условие в нижеследующем.

В виду соживиегося между ними конфликта т.-е. ссоры, то я Строчилин Александр обязуюсь принимаю свою жену Ирину вновь на жительство, в случае если я Строчилин Александр буду ходить к Строчилиной Евпраксии какие нибудь буду вести с ней тайные сделки или свидания, то я Строчилин, должен лишится принадлежащей части своего имущества т.-е. со стороны моей несправедливости в брачном отношении жизни.

В чем и подписуюсь. Строчилин.

Свидетели: Сиверников А. и Юшкин С.

Вероятно, в скором времени красная горка будет переименована в... контрактовую ярмарку.

Кукурузовый докладчик

На сельском собрании с. Трехсельского, учмиль Клименко прочел доклад о международном положении.

По окончании доклада он обратился к слушателям с просьбой задавать по докладу вопросы.

И по докладу учмиля Клименко о международном положении последовала только одна записка:

— Можно ли варить араку и как карает за это закон.

Учмиль Клименко не замедлил ответом:

— Можно, но только для себя. Преступности здесь нет, но, конечно, если только из кукурузы!

Что предпочитает сам автор доклада „о международном положении“: международную революцию или водку из кукурузы?

Из-за копейки

Надсмотрщик телеграфа Лискинского п. т. отделения Н. А. Дорофеев, принимающий подписку на журналы, получил от газетного бюро Ленинградского почтамта следующее отношение:

— При проверке Вашего заказа по подписке на Октябрь оказались нижеследующие расхождения:

заказ № 6. Вами удержано 00⁰/₀⁰/₀ 6 коп.
следует удержать . . . . . 5 коп.
недобор в одну копейку дошлите переводом и т. д.

Тов. Дорофеев высчитал, что пересылка одной копейки переводом обойдется 15 копеек.

Не всегда копейка рубль бережет! В данном случае копейка не уберегла даже и репутации Ленинградского газетного бюро...

ПЕРСОНА ГРАТА

Секретарь английской миссии в Москве Чарнок занимался шпионажем.

Шпик Энглиш

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

В пространство. — В. Никитину.
Плохо.

Краснодар. — Н. Кувакину.

Кум А. — Я не видал тебя целых четыре дня.

Кума А. — Врешь, всякий раз, как ты проходил мимо, я тебе поцелуй посылала.

Кум А. — На что мне твой поцелуй, если он без сороковки?

Однако, от ваших анекдотов несет сороковкой. Попробуйте обратиться вместо Смехача в институт профессора Бехтерева. Там лечат гипнозом.

Издатель—«ГУДОК». Отв. редактор—И. Н. Пирогов.

Главлит № А—1.824 Отпечатано в 7-й типографии «Искра Революции» Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипповский пер., 11. Тираж 110.000.

ВСЕОЧИЩАЮЩИЙ ОГОНЬ

Рис. М. Черемных

— Товарищ главбух! Что же вы не спасаете свои книги?!
— Не хочу под суд попасть.